

(Текст, не входящий в книгу)

- Формат печатных страниц не совпадает с форматом книги.

- Нумерация страниц выполнена только для книги в формате PDF.

- Тексты и рисунки в книге предлагаются только для чтения и ни для какого другого использования.

Прикоснись ко мне...

Посвящается самой маленькой
из всех книг...

Это были всего лишь двое влюблённых...

Которые медленно шли по краю дороги. Которые нежно поддерживали друг друга, ласково беседовали...

Это были всего лишь двое влюблённых, которые шли, в то время как тучи сгущались, в то время как ветер усиливался, в то время как листья, сухие, собирались рядом с ними. Двое влюблённых, которые шли, в то время как дождь падал.

Но дождь никогда не смог бы коснуться их... Дождь никогда не смог бы коснуться двух влюблённых...

Они медленно продвигались к концу дороги, туда, где дорога словно исчезала, а деревья словно сливались друг с другом. А осень расцветала вокруг них сухими ветвями.

Они продвигались туда, где дорога — я помню это — сливалась с морем. Они шли туда по влажному песку, медленно шли к пенившейся волне.

Тогда волна застыла и сказала им:

«Прикоснись ко мне...»

Две руки пошевелились как одна.

...Теперь они шагали по спокойному морю. По морю го-

лубому и бесцветному, текучему и в то же время недвижному. Небо, увидев их, полюбило их. Солнце, увидев их, позавидовало им.

Поэтому оно сказала им,
«Прикоснись ко мне»

Две пары губ пошевелились как одна...

И солнце спустилось вниз и встало рядом с ними... Небо тогда стало красным как лепесток розы. Море тогда стало красным как пламя, красным как кровь.

И земля начала проливать кровь, заполнившую моря, когда-то давшую жизнь Вселенной. Капли крови упали на спавшую луну и разбудили её.

Луна, всё ещё красная, ярко-красная, приблизилась к ним... Приблизилась к двум влюблённым, которые танцевали в море, похожем на кровь.

Которые нежно поддерживали друг друга, ласково беседовали.

Солнце увидело луну и испугалось её... Ощутило уважение к ней. Тихо скользнуло по краю вод и упало в пустоту, исчезло в бесконечности...

Они остались одни. Двое влюблённых, которые шагали по тому краю мира, по тёмному морю, по морю, одетому в ночные тени.

Двое влюблённых, которые шли, в то время как звёзды падали рядом с ними, в то время как ветер усиливался, в

то время как луна робко проливала свой свет в бескрайний цвет моря.

Которые продвигались вперёд, в то время как тьма падала, в то время как ветер усиливался и звёзды собирались на краю Вселенной.

...Но тьма никогда не смогла бы коснуться их. Неужели какая-то тьма могла бы коснуться двух влюблённых?

И она сказала ему:
«Прикоснись ко мне...»

15 декабря

Это были всего лишь два цветка.

Два цветка, робко расцветшие на опушке леса. Посреди зимы, укутывавшей их.

Это были всего лишь два цветка, пустившие корни на краю леса.

Каждое утро их озарял — я помню это — один и тот же солнечный луч. Их будило одно и то же дуновение ветерка. Так близко друг от друга.

Так, что один из них ощущал благоухание другого.

Так далеко друг от друга. Так, как никогда раньше не находились два цветка.

Но если бы вы спросили лесных зверей, то те сказали бы, что цветки были совсем-совсем рядом.

Тогда она сказала ему: «Прикоснись ко мне»

Он стал расправлять свои листья. Тянуться всем тельцем в её сторону, при каждом дуновении ветра. Стал тянуться своими лепестками, волокнами и маленькой чёрной горсткой на месте сердца.

И она наклонила своё тельце. Расправила листья — листья дрожавшие, в то время как ветер дул...

* *

...Они стали тогда расправлять свои корни, медленно распластывать их в земле, разделявшей их. Они ощущали боль при каждом движении. Но им было всё равно. Это были всего лишь два цветка, которые расправляли свои листья на ветру, расправляли свои корни в земле...

Два цветка, которые расправляли свои сердца — две крошечные горсточки угля — посреди зимы, надвигавшейся, окружавшей их со всех сторон...

...

«Я не могу», — сказал он ей, и капельки росы появились в уголках его глаз.

««Я не могу», — сказал он ей, и его лепестки закрылись, листья свернулись вокруг стебелька, а корни робко сжались в земле, связывавшей их.

...Это были просто два цветка, такие маленькие рядом с огромными деревьями, с большими серыми скалами и рекой, безудержно текшей в середине зимы...

Тогда она сказала ему: «Прикоснись ко мне...»

...И один голубой лепесток скользнул по ветру. Он упал на закрывшиеся лепестки — и лепестки раскрылись. Он скатился вниз по листьям, свернувшимся вокруг слабого стебелька. По листьям, которые внезапно развернулись. И упал на землю, на уставшие корни, которые попытались подняться и поймать его.

...Но ветер уже унёс его.

Но он уже уронил его в реку, которая тоже текла — так беззаботно — на краю леса.

...И всякий раз, когда ветру случалось менять направление, можно было увидеть лепестки, путешествовавшие вместе с ним. Их ненадолго удерживали листья, опиравшиеся на два слабых стебелька; удерживали корни, глупо вылезшие из земли в тяжёлую зиму, такую тяжёлую для двух одиноких цветков.

Можно было увидеть лепестки, отрывавшиеся от сердца, чтобы ненадолго прильнуть к другому сердцу, находившемуся немного подале. Чуть поодаль от того места, до которого достают тянущиеся листья, до которого достают стелющиеся по земле корни. Так далеко друг от друга...

Но если бы вы спросили лесных зверей, то те сказали бы, что цветки были совсем-совсем рядом.

* *

Прошли одни времена года, и настали другие. Ведь это всего лишь времена года.

А они — всего лишь два цветка. Два цветка, расцветающие и увядающие на краю леса. Два цветка, вечно расцветающие и увядающие на краю света.

И я помню, что у этих двух цветков никогда нет лепестков. Потому что их лепестки, как только обретают цвет, перелетают на цветок, растущий напротив. Я помню, что эти два цветка на краю леса всегда голы.

Это всего лишь сердца — две такие крошечные горсточки угля — двух цветков.

...И даже сегодня, если пройти мимо них в середине зимы, можно услышать, как они шепчут друг другу:

«Прикоснись ко мне»

16 декабря

Восходящее солнце засияло над серебристой монетой.

И она внезапно открыла глаза и потянулась, онемев после стольких часов глубокого сна. Было так сыро там наверху! Наверху черепичной крыши того двухэтажного дома на окраине деревни.

«Доброе утро», — сказала она вежливо другой своей стороне.

Ответа не было.

«Доброго тебе утра!

Проснись, рассвело...» — сказала она ещё раз, ещё более вежливо.

Но другая сторона не ответила. Не ответила и сегодня.

Как не отвечала никогда, сколько она помнила её. Как бы вежливо она ни говорила с ней, сколько бы раз ни просила её.

Она посмотрела на солнце, поднимавшееся в небе, и улыбнулась.

«Почему ты не говоришь со мной?» — опять сказала она своей другой стороне.

«Поговори со мной, я ведь так же одинока, как и ты.»
«Поговори со мной.»

«Знаю, что тебе может не нравиться моё общество, но что мы можем сделать? Мы всего лишь две стороны одной монеты. И было бы чудесно поговорить иногда.

Разве не чудесно было бы, если бы мы дружили между собой?»

Однако другая сторона молчала. Она просила её столько раз. Она просила её всеми способами, какие только знала. Хотя и не знала многих! Она была всего лишь одной из сторон маленькой дешёвой монеты. Ничего более.

«Спокойной ночи», — сказала она ей, в то время как темнота наступала...

* *

«Доброе утро», — ласково сказала она с первой улыбкой солнца.

Ответа не было. Но, может быть, она ещё спала! Нужно подождать немного.

Она ждала, пока солнце поднимется высоко. Солнце золотое. Солнце, светившее над серебристой монетой, на черепичной кровле того деревенского дома. И тогда она снова осмелилась заговорить с ней.

«Сегодня замечательный день, не правда ли?»

Но ей не ответили. Как не отвечали ни разу до сегодняшнего дня.

Почему?

Неужели её не трогал интерес другой стороны?

Может, была какая-то причина, по которой она не могла говорить? Может быть, это плохо — хотеть что-то знать о своей другой стороне?

Ей это не казалось таким уж плохим...

С другой стороны, конечно, что она могла знать? Она была всего лишь одной из сторон маленькой дешёвой монеты.

...

Может быть...

...Ну да! Как же она не подумала об этом раньше? Конечно же, это так! Не могло быть ничего другого. Конечно же, это так просто!

«Может быть, ты не можешь говорить?» — сказала она ей. «Может быть, ты хочешь, но не можешь говорить?»

«Тогда сделай какое-нибудь движение, постучи по черепице, и я пойму.»

«Если не можешь говорить, постучи по черепице!»

Ничего.

Ни движения, ни шума. Хотя на мгновение она поверила...

На одно-единственное мгновение она поверила, что наконец-то сможет пообщаться со своей другой стороной.

Может быть, с помощью одного удара по заросшей травой черепице.

С помощью какого-нибудь неощутимого движения они могли бы обмениваться мнениями, мыслями, чувствами. Находили бы новые способы говорить.

Говорить!

Две стороны одной монеты, на одной из крыш на окраине деревни. Две стороны одинокие, совсем одни.

Ничего.

Ни движения. Ни шума. Ответ был прост. Она не хотела с ней говорить.

«Добрый вечер», — сказала она ей, и осталась смотреть, как солнце уходит на запад. Ей так хотелось расплакаться, но она бы этого не сделала. Другая сторона могла бы догадаться.

Могла бы догадаться по одному неощутимому движению, по одному всхлипу, который бы вырвался у неё.

Нет, она не могла заплакать! Другая сторона могла бы догадаться. А она ни за что не хотела бы расстраивать её.

Ведь и другая сторона была одинока, совсем одна. Может, ещё более одинока, чем она сама.

Но тогда почему она не говорила с ней? Почему?

Ведь обе они были одинокими сторонами одной монеты, совсем одни, на одной из крыш на окраине деревушки.

* *

В то утро она не поздоровалась с ней.

Она начала с вопроса, который не давал ей покоя всю ночь. Который мучил её так, как не мучил никогда ни одну сторону, ни одной монеты во всех деревнях мира.

«Может, ты ненавидишь меня», — сказала она ей, с трудом сдерживая дрожь, слезинку на краю глаза.

«Может, ты ненавидишь меня за то, что я могу видеть деревню и солнце?» «Может, ты ненавидишь меня за то, что ты всегда повёрнута к черепице?»

«Скажи мне! Скажи мне, пожалуйста...»

Ответа не было.

«Но я ведь не виновата, ты это знаешь... Ты помнишь это, не правда ли?»

«Виноват тот гадкий мальчишка, который забросил нас на эту крышу!»

«Скажи мне. Скажи мне, что помнишь это...»

«...Поговори со мной, пожалуйста. Я тоже одна сторона маленькой дешёвой монеты. Поговори со мной! Расскажи мне о себе! Скажи мне что-нибудь! Я ведь твоя другая сторона!»

Тогда, отчаявшись, она стала описывать ей свой облик. Это был довольно обычный облик. Фигура женщины с тонкими чертами лица, с красивым носиком и симпатичными глазками.

Женщина, заключённая навсегда на кровле какого-то двухэтажного деревенского дома.

«Расскажи мне о себе», — сказала она ей.

«Расскажи мне, на что ты похожа!»

«Мы можем стать подругами! Можем, если хочешь, стать самыми лучшими подругами! Самыми лучшими подругами из всех сторон, всех монет.

Самыми лучшими подругами во всей деревне. Во всей стране. Во всём мире, если ты скажешь мне хоть одно слово.

Только одно слово!

Если ты скажешь, что хочешь этого!»

«И тогда я буду жить только для тебя! Даже если ты мне больше никогда ничего не скажешь...»

Молчание. Полное молчание... Но почему?

Ведь и она была одинокой стороной монеты, совсем одной, может быть, самой одинокой из всех сторон монет в мире...

...

Начиная с того дня, она начала описывать ей всё, что

видела.

Она не просила её поговорить с ней. Никогда более. Просто сама говорила с ней, не прося ничего более.

Рассказывала ей о деревне и лесе рядом с ней. Рассказывала о большой дороге между домами и о базаре. Рассказывала о солнце и облаках. О птицах небесных. О колоколах, звонивших каждое воскресенье.

Начиная с того дня жизнь этой стороны монеты была уже не той, что раньше. Она описывала всё, что видела, и не просила ничего более.

Она не знала, было ли это хорошо или плохо — не хотеть знать о своей другой стороне. Однако, её жизнь с того дня стала более прекрасной. И она чувствовала себя менее одинокой, гораздо менее одинокой, чем любая другая сторона монеты, в любом уголке деревни.

Эта сторона монеты была менее одинокой.

* *

В первый раз с того мгновения, как они оказались на той крыше, разразилась гроза. Первая зимняя гроза.

И ей было так радостно, что тяжёлые капли стучали по ней. Что она оберегала свою драгоценную другую сторону!

Ветер заметно усилился.

Усилился так, что черепичная кровля начала дрожать. Дрожать так, как никогда прежде не дрожала черепичная кровля двухэтажного деревенского дома.

И тут случилась беда!

Так быстро, что ни одна сторона монеты, ни на одной окраине мира не поняла бы, что происходит...

Она просто почувствовала, что скатывается вниз по заросшей травой крыше.

* *

Было так невероятно сыро там внизу!

Там внизу, посреди сада маленького дома на краю деревни.

И всё же, сторона монеты радовалась ещё больше! Несмотря на то, что это была сторона, завязшая в грязи. Облик женщины с тонкими чертами лица, завязший в грязи.

Несмотря на это, она была так счастлива!

Её другая сторона могла снова видеть облака. Повозки и дорогу. Колокола и леса.

Её другую сторону, озаряло солнце!

Да, она была так счастлива. Так счастлива, как никогда

не была ни одна сторона, ни одной монеты, во всей деревне.

И её другая сторона непременно заговорит с ней. Та сторона, которая до сих пор ни разу не говорила с ней.

Теперь она непременно будет описывать ей всё. Всё, что будет видеть.

Горы и леса. Деревню и дома. Солнце и облака...

Пусть даже она сама не сможет услышать её. Пусть даже она сама не сможет заговорить с ней. Пусть даже она сама теперь сторона, завязшая в грязи.

Несмотря ни на что, эти две стороны монеты были менее одиноки. Менее одиноки, чем любые другие стороны монеты, в той деревушке с маленькими домами.

И тут случилась беда!

Так быстро, что ни одна сторона монеты, ни на одной окраине мира не поняла бы, что случилось.

Но она, к несчастью, успела... К несчастью, успела понять всё...

* *

...Теперь сырости не было совсем.

Это была безупречно чистая сторона монеты, находившаяся на видном месте в коллекции того коллекционера. Это был, честное слово, самый странный, самый удивительный экспонат коллекции.

Это была монета редкая и неоценимая.

Монета, единственная в своём роде!

Монета, подобной которой до сих пор не находил ни один коллекционер!

Эта монета в стеклянной коробке в середине большой коллекции была — и не спрашивайте меня, отчего и почему, — монетой с одной-единственной стороной!

Да, вы верно слышали!

Монетой с одной-единственной стороной.

...Стороной столь одинокой,
как ни одна другая сторона, ни одной другой монеты,
нигде в мире.

С 17 на 18 декабря

«Слегка уложим волосы...

Завяжем изящный тканый пояс...

Приподнимем правый подплечник, чтобы ткань меньше топорщилась... И, наконец, накинём красную шёлковую шаль, так чтобы она обнимала талию и спадала с обоих локтей...

Отлично!

Добавим немного живости позе...

Правая нога самую капельку выступает вперёд, чтобы подчеркнуть движение, а левая рука чуть больше вытянута.

Великолепно! Думаю, мы закончили!»

...

Какое облегчение. Ей никогда не нравилась вся эта процедура. Пришло время открыть глаза...

Красный! Её любимый цвет!

И это платье было действительно прекрасным!

Хотя она предпочла бы белую шаль...

* *

«Пора убрать бумагу со стекла...»

Бумажные полосы были отклеены, понемногу открывая мир, прятанный за ними.

Это было её любимое зрелище! Самая оживлённая улица. Автомобили, мотоциклы, автобусы, прохожие... Множество прохожих... Куклы в разноцветных одеждах шли мимо, нагруженные переполненными пластиковыми пакетами... Одетые в платья сомнительного качества, модели сомнительного вкуса.

И она среди них, рядом с ними! Чтобы они смотрели на неё и, почему бы и нет, завидовали ей.

Женщина с идеальной фигурой, одетая в сверхдорогое красное шёлковое платье! Женщина, похожая на огонь, в красной шали, столь женственно ниспадающей с локтей...

Женщина в середине витрины!

Да — надо признать — в той витрине были и другие женщины. Однако её, должно быть, отличало нечто особенное.

Иначе невозможно объяснить, почему эта женщина была выбрана среди стольких других, чтобы позировать в центре. Женщина, всегда одетая в лучшие платья. В самые дорогие наряды. По последним требованиям моды.

Да, эта женщина была самым совершенством.

Каждая её поза была плодом многих проб и раздумий. Каждая её причёска — результатом обсуждений. В ней не было ничего случайного. Ничего непродуманного.

Даже декор, развешанные вокруг неё платья, освещение... Всё было оформлено в расчёте на неё!

На неё!

На женщину-воплощение вечной женственности, в самом большом стеклянном окне магазина.

Оставленную там, чтобы рассматривать кукол на витрине. Кукол, проходивших мимо неё, спешащих, неопрятных, неухоженных. Но чего ещё можно ожидать от кукол, ходящих по улицам?

И хоть какую-то мало-мальскую ценность им придавало то, что они в конце концов всегда останавливались, чтобы взглянуть...

Как бы они ни спешили, как бы ни бежали, пытались успеть...

Как ни странно, у них всегда было время, чтобы посмотреть на настоящую женщину!

Женщину, теперь одетую в красное шёлковое платье и шаль, небрежно спускавшуюся с локтей. Женщину за окном.

Она была точкой притяжения днём и ярко освещалась по вечерам.

Эта женщина в середине окна!

* *

Однако, даже у этой женщины — образца вечной женственности — была, насколько я помню, одна крошечная проблема...

Вы скажете, что это странно для такой женщины! Для женщины, созданной для того, чтобы её разглядывали куклы на улице.

И всё же существовала одна крошечная проблема...

Она так плохо себя чувствовала, когда ей приходилось менять наряд. Когда она снимала старую одежду, чтобы надеть новую, обязательно другого цвета и в другом стиле.

Да, эта женщина ощущала такой стыд, стоя голой!

Конечно, сотрудники магазина делали всё возможное, чтобы люди из витрины не видели её такой.

Было бы так плохо, если бы люди из витрины увидели её голой! Отвратительно! Ужасно! Немыслимо для женщины, созданной, как никто другой, для того чтобы позировать в середине окна, всегда одетой по последней моде!

Сотрудники действительно делали всё возможное.

Каждый раз они закрывали широкими бумажными полосами витрину, в которой жили уличные куклы. Тщательно заботились о том, чтобы не оставлять ни одного просвета.

Что же до той стороны, которая была позади неё — стороны, обращённой вовнутрь магазина, — она всегда была занавешена большим куском ткани соответствующего цвета. Цвета, подходившего к её наряду, цвету волос, сезонному освещению...

Всё было связано с ней. Всё вращалось вокруг неё!

Вокруг воплощения вечной женственности!

...Но она всё равно чувствовала себя нехорошо.

Даже если её не видел ни один прохожий, она знала, что в течение нескольких мгновений, пусть совсем ненадолго, она оставалась голой! И, голая, казалась столь неинтересной. Столь — боюсь даже сказать — некрасивой.

Как бросались в глаза зазоры между суставами! В тех местах, где они дарили ей возможность двигаться! Как странно они были обнажены... Как откровенно...

Нет! Даже она сама не выносила этого зрелища. Она всегда закрывала глаза, когда меняла одежду. Она казалась самой себе — как я боюсь сказать это — такой фальшивой! И всё же она хорошо знала — лучше, чем что-либо другое — что была самой реальной женщиной в мире...

Что она была и всегда будет женщиной в центре окна. Женщиной, которой несомненно завидовали все куклы из витрины. Куклы-вечные прохожие, перед женщиной-вечной моделью...

...Иногда она в самом деле жалела их...

* *

Сегодня на ней было надето великолепное длинное платье из чёрного бархата.

Узкое, с закрытым горлом, узкими рукавами, спускающееся чуть ниже лодыжек. Украшенное, как поясом, двумя рядами стразов на уровне талии.

Она бы назвала его симпатичным, хотя и не считала чёрный цвет самым лучшим. Красный всегда подходил ей больше.

Однако, именно это платье выгодно подчёркивало её фигуру...

Она сразу же обратила на себя все взгляды.

Она поняла это с того самого мгновения, когда были сняты бумажные полосы, постепенно открывая кукол в витрине.

Иногда её тоже изумляли куклы в витрине. Даже когда

спешили, они всегда останавливались полюбоваться на неё. Даже когда им не шли наряды, которые она носила, они всегда покупали их. Даже когда у них было столько тем для разговоров, они всегда в конце говорили о ней.

И всё же они настолько отличались от неё! Она часто задавалась вопросом, как они могли видеть себя на её месте...

Она стояла. Они проходили мимо.

Она продавала. Они просто покупали.

Они любовались ею, а она просто глазела на них!

Она была женщиной, а они всего лишь куклами в витрине!

Она была в центре мира, а они затеряны на его краю...

Жалкие куклы!

Какое счастье, что они не были частью её мира! Какое счастье, что они никогда не могли бы стать частью её мира...

Что кому-то пришла в голову мысль поставить то стекло...

...

Странное стекло, по правде говоря.

Прозрачное, и в то же время скрывавшее за собою другой мир. Оно разделяло два мира, совершенно чуждых друг другу. Хотя это хорошо! Представьте, что того стекла

не было бы.

Катастрофа! Любой случайный прохожий мог бы увидеть её вблизи. Оглядеть её, изучить и — стыжусь даже сказать об этом — прикоснуться к ней! Второй из её худших кошмаров!

Нет, тот, кто поставил то стекло, знал что делал. Оно хорошо защищало женщину-модель. Таковую как она, всегда одетую в сверхдорогие наряды, способную следовать новейшим веяниям моды, способную — почему бы и нет? — даже направлять их.

Женщину, созданную, чтобы отличаться. Отличаться от кукол, которые вечно таскаются по улицам. Которые движутся среди других. От кукол, которые живут, вечно затерянные в толпе. Ничтожные куклы!

Да, тот, кто поставил то стекло, знал что делал!

Чтобы кто-то прикоснулся к ней? Она не хотела даже думать об этом.

* *

Ещё один раз! Ещё один раз глаза закрыты, зажмурены.

И если она приоткрывала их на мгновение, то лишь для того чтобы убедиться, что ни один участок витрины не забыли закрыть.

Конечно, она полностью доверяла им.

Она знала, что они ухаживали за ней лучше, чем она

сама могла бы позаботиться о себе.

Они всегда закрывали витрину с куклами.
Всегда надевали на неё самое лучшее платье.

Причёсывали её тщательно.
Освещали её, чтобы подчеркнуть красоту женщины в
середине окна.

Да, она полностью доверяла их прикосновениям. Возможно, они были самыми лучшими её друзьями.

...Тем не менее, ощущение собственной наготы вызывало у неё замешательство!

По логике вещей, она никогда не должна была оставаться голой. У неё был самый большой гардероб в мире!

Тысячи головных уборов и платьев, для неё одной. Тысячи цветов и моделей, чтобы подчеркнуть её красоту, выявить её, превратить в символ.

Всё для неё! Всё для женщины! Для самой настоящей из всех женщин мира. Для вечной женщины!

Более настоящей, несомненно, чем все куклы, ходящие по улицам.

Она открыла глаза...

Ещё одно прекрасное платье.

Свободного кроя — они сказали, что она должна время от времени носить что-нибудь попроще — со странной брошью на правой стороне талии, которая достойно заменяла любой пояс, придавая в то же время особое изящество.

«Ощущение свободы в позе...
Взгляд равнодушно обращён к краю витрины...
Отлично!

Теперь руки...
Скрещённые? Нет, они будут скрывать брошь...
Может быть, убранные за спину?

Но у неё такие красивые руки!

Пусть тогда будут впереди, почти вытянутые, параллельно лёгкому наклону тела...

Да, так будет хорошо...»

«Замечательно! Пора убрать бумажные полосы...»

* *

Тот день — я помню это — начался прекрасно. Прекрасно, как и все остальные дни.
Было солнечное весеннее утро.

Она снова обратила на себя все взгляды.
Сразу обратила на себя все взгляды.

Какой бы цвет она ни носила, в данном случае лиловый, какую бы позу ни принимала, они всегда смотрели на неё, восхищались ею.

Женщиной нестареющей, с идеальной фигурой, в середине окна. Женщиной в центре мира!

Созданной для того, чтобы ею восхищались и — почему бы и нет? — завидовали ей.

Чтобы ей подражали, будучи не в состоянии стать равными ей.

Чтобы желали её, будучи не в состоянии коснуться её.

Женщины, одетой сегодня в лиловое весеннее платье свободного кроя, со странной брошью на правой стороне талии...

...

...Никто не понял, откуда начался пожар, в тот день...

В день такой же, как и все остальные.
В день, который солнце наполнило ярким цветом...

Суматоха, крики, паника у неё за спиной. Бегущие

люди...

Она могла видеть из своего окна, как они убегали.

Её друзья тащили с собой металлические стойки с её драгоценным гардеробом.

Да, она доверяла им! Всегда доверяла им. Они хорошо знали свою работу. Но разве, по логике вещей, они не должны были сначала вынести её?

Ничего страшного. Ещё было время...

Языки пламени обвивали занавески и брошенные платья. Лизали стены в глубине магазина, уничтожая бумажные афиши.

Она ждала их с минуты на минуту. Её друзья должны были вспомнить о ней в конце. Она нисколько не сомневалась в этом.

Люди в витрине собрались далеко, так далеко от стекла! Люди, которые когда-то дотрагивались до него. Которые наклонялись перед ним, чтобы получше разглядеть её.

Теперь она видела, как они стояли и смотрели в её сторону. Никто не проходил мимо. Все стояли. Все, остановившись, смотрели в её окно.

Даже тогда...

Даже сейчас она была женщиной в центре.

...

Наконец-то!

Она увидела, как они бегут к ней...

Почувствовала, как они входят в магазин. Как с силой отодвигают занавесь у неё за спиной. Руки, которые двигались быстро... Которые срывали одежду, развешенную на боковых стенках. Которые небрежно комкали платья, оставленные на полу...

Руки, которые быстро расстегнули большую брошь на её талии...

Которые грубо стащили весеннее платье свободного кроя с женщины в центре, в то время как части её тела падали на пол.

Части тела женщины, немо смотревшей, как они убегают.

Видевшей, как они спешно присоединяются к толпе, которая смотрела, наблюдала молча, равнодушно по другую сторону витрины...

Части тела женщины нагой, брошенной в середине окна, освещённого языками пламени, которые приближались...

Женщины нагой, которая не могла уже закрыть глаза...

Которая не могла уже занавесить стёкла.

Женщины одинокой, со взглядом, обращённым к толпе, которая всё смотрела и смотрела равнодушно на женщину нагую, столь нагую, брошенную в центре.

...

Я до сих пор так и не понял, как она смогла найти в себе столько сил.

И всё же та женщина — возможно, самая настоящая женщина в мире — нашла в себе силы, чтобы отвести взгляд от кукол в витрине...

Женщина одинокая.

Женщина нагая, столь нагая, в то солнечное весеннее утро, в центре мира.

Женщина, распавшаяся на части, с глазами открытыми, широко открытыми, спокойно смотревшими на языки пламени, расплавлявшие её...

* *

«Слегка уложим волосы...

Завяжем изящный тканый пояс...

Приподнимем правый подплечник, чтобы ткань меньше топорщилась... И, наконец, накинём красную шёлковую шаль, так чтобы она обнимала талию и спадала с обоих локтей...

Отлично!

Добавим немного живости позе...

Правая нога самую капельку выступает вперёд, чтобы подчеркнуть движение, а левая рука чуть больше вытянута.

Великолепно! Думаю, мы закончили!»

...

Какое облегчение. Ей никогда не нравилась вся эта процедура. Пришло время открыть глаза...

Зелёный! Её любимый цвет!

И это платье было действительно прекрасным!

Хотя

она предпочла бы голубую шаль...

23 декабря

Никогда раньше не рождалось такого создания.

Никогда раньше.

Она была так прекрасна, что ни один художник никогда не смог бы запечатлеть её! Ни один писатель не смог бы изобразить её! Я никогда не смог бы, к сожалению, описать вам словами... Этот образ, друзья мои, был превыше любых изображений и фраз.

И если бы я должен был выбрать из всех её черт ту, что делала её поистине единственной в своём роде, делала неповторимой, придавала ей совершенство... То этой чертой были бы её губы!

Губы, которые были превыше самого воображения...

Губы в центре мира!

...

Помню, это были губы, которые я когда-то вкусил, которые ненадолго прикоснулись к моим... И именно моим губам они доверили свою тайну.

* *

Мои губы поняли это в то самое мгновение, когда те коснулись их, но признались в этом намного позже, когда я, наверно, уже не смог бы ничего поделать. Но мои губы всегда были такими странными...

Когда было необходимо, они так не спешили говорить!

Таким образом, они направили разговор в нужную им сторону и терпеливо ждали, когда я сделаю первый шаг...

Случилось это где-то в середине утра...

«Скажите мне, что они вам сказали?» — спросил я их.

Они довольно улыбнулись.

Затем прочистили горло лёгоньким кашлем, продлили моё нетерпение, добавив несколько секунд молчания, и, наконец, начали со своих привычных загадок:

«Они сказали нам то, чего ни одни губы ещё не говорили другим!» — ответили они.

«То есть?»

«Они сказали нам правду!»

Я понял, беспомощный, что сегодня вечером разговор затянется надолго... Что они в очередной раз задались целью помучить меня. К тому же я всегда был их любимой

игрушкой.

«Но... — я попытался сосредоточиться, — разве губы обычно не говорят правду?»

Они не ответили сразу.

Лишь снова хитро улыбнулись — той улыбкой, которая, не знаю как, удаётся только им. Словно они скрывали нечто такое, чего никто не знал...

«Мы обычно говорим то, что нам позволили сказать...» — прошептала тогда моя верхняя губа!

«Или же то, что от нас хотят услышать!» — бездумно добавила другая.

«Странно...» — пробормотал я.

«Почему странно?» — спросили они слегка недоверчиво.

«Не знаю...

Это так звучит...»

(Здесь я попрошу вас простить и меня за эту маленькую поспешную ложь, но, как вы знаете, временами правдивые слова так сильно всё усложняют! Уже и без того всё казалось достаточно запутанным...)

Итак, я попросил их поделиться со мною тем, что они скрывали.

Они колебались, но я знаю, что в глубине души и они хотели того же. Однако, они были такими строптивыми с тех пор как я узнал их... Их нужно было попросить тысячу раз и посулить им тысячу разных вещей за одну крошеч-

ную правду!

— Можем ли мы тебе довериться?

— Да, я никогда не проболтаюсь!

* *

Это была правда, которую я, по правде сказать, не ожидал услышать из чьих-либо уст... Особенно из таких, как мои собственные...

«Садись», — предложили они мне вежливо, указывая на свою маленькую скамеечку, а затем поднялись и лениво разлеглись на моём диване.

Я уселся, как мог.

Они хранили невозмутимость, глядя на меня сверху. Обе были сверхсерьёзны и молчаливы.

«Те губы, которые ты когда-то полюбил, никогда не любили тебя по-настоящему», — сказала тогда внезапно моя нижняя губа. Так запросто!

«...Ни тебя, ни нас...» — добавила столь же резко другая, так бесстрастно, как будто они говорили о чём-то несущественном.

А затем они принялись приводить в порядок свои подушки!

Извините меня, но здесь я должен снова добавить нечто особо важное о них, потому что мне искренне не хотелось бы, чтобы вы плохо судили о них из-за резкой смены настроения. Когда губы решают сказать правду, вам хорошо бы знать, что они могут стать невероятно грубыми и циничными.

Продолжаем...

«Но мне они сказали другое!» — возразил я и подскокил вверх.

«Сядь», — крикнули они обе вместе.

Я послушался.

«Те губы, — продолжили они, сухо покашливая, — никогда никого не любили! Да и не могли никого полюбить...

Они всегда говорили тебе только то, что хотела сказать тебе фигура!»

«...А ты за всё это время ничего не понял», — добавили они безжалостно.

«Ты слышал то, что хотели услышать твои уши!»

«Простите.»

«...Но как это возможно?» «Почему?»

Они вернулись к своему привычному молчанию.

«Это печальный, необычный случай...» — ответили они наконец.

«Те губы, которые ты узнал однажды, были...

...Боимся, что эта пара губ была несчастлива.»

* *

...Наверно, я должен был — теперь я ясно вижу это — ожидать нечто подобное. Должен был предвидеть, к чему это всё приведёт... Когда тебя интересуют правдивые вещи, обычно всё становится опасно серьёзным. Как бы то ни было...

«Это исключено!» — тихо сказал я, не желая ничего признавать.

«Это были самые прекрасные губы, принадлежащие самому прекрасному созданию.

Самые желанные во всём мире! Не может быть...»

«Та пара губ была несчастлива», — перебили они меня тоном, не допускающим возражений. Тоном, к которому я, конечно же, не привык, хотя и сталкивался с ним ранее.

«...Вы знаете почему?» — спросил я таким же тоном.

«Мы это поняли.»

«Как это?»

Между нами говоря, я не ожидал услышать нечто подобное из человеческих уст.

Они глубоко вздохнули, как будто желая сразу сказать всё, что могли. Запнулись на мгновение, возможно, пытаясь найти способ, чтобы начать. И затем заговорили. Нерешительно.

Наверно, уже зная, как будут звучать их слова...

«Эти губы сами однажды сказали нам, что они постаревшие...» — ответили они.

И сомкнулись. Словно чувствовали угрызения совести. Или не могли больше ничего сказать. Тем не менее, казалось, что их уши всё ещё хранят память об этой фразе.

Я неловко пошевелился на своей маленькой скамеечке, в то время как они медленно утопали в своих подушках.

«То есть?» — изумился я.

— Это очень трудно понять... Кажется, что здесь нет логики... Может, это и не имеет значения.

— Испытайте меня.

«Эти губы были постаревшими...» — спокойно продолжили они.

«Эти чувственные губы... Ты помнишь?»

Морщинистые губы на самом прекрасном, самом молодом теле. На теле без изъянов...

На самой юной коже...»

«Ну и что? — удивился я. — Что в этом плохого?»

«Именно поэтому, как мне представляется, они были прекраснейшими из всех губ.

Совершенные губы на совершенном теле.»

«Ты не понимаешь...» — настаивали они.

«Говорим тебе снова: это были постаревшие губы на самой юной коже в мире...»

«И знай, что внешность имела для них такое большое значение.»

...Не знаю, что вы до сих пор успели понять, я же до того мгновения не сказал бы, что многое понял... Вины были и мои губы, которые, несмотря на серьёзность положения, приподнявшись, всё время перемещались вверх-вниз на своих маленьких подушках.

«Ну и что?»

«...Разве не все губы ‘постаревшие’?»

Они снова не ответили. Даже не шевельнулись. Теперь, когда надо было бы сказать ещё что-нибудь... Они лишь промолчали.

А когда мои губы молчат, насколько я помню, они либо думают, либо дают тебе время для раздумий.

Так я сам начал потихоньку понимать нечто большее; может быть — кто знает — даже правду! Спустя столько времени после того, как я узнал их...

Возможно, эти губы всегда были одни, совсем одиноки, печальны в центре мира. И никто другой не знал об этом.

А мои глаза, как и глаза всех остальных, видели когда-то лишь то, что хотели увидеть.

«Но... Почему?»

«Нет никаких почему», — тихо ответили они.

«Те губы думали, что они некрасивы — может быть, самые некрасивые из всех губ...»

«И внешность имела для них такое большое значение», — прошептали они, как будто разговаривали сами с собой.

«...Так что они не хотели, а скорее всего и не могли

больше никого полюбить... Себя самих... Тебя... Нас...»

«Поэтому мы тогда не сказали тебе...

Что нам было говорить?»

Что им было мне говорить... И что я мог бы понять. Будучи таким большим и глупым.

«К сожалению, ты ничего не смог бы сделать...»

«...Ты видишь эти губы, и как бы странно тебе ни казалось, нет никого, — продолжали они, — кто мог бы настоящему почувствовать их. Помочь им — хотя бы немного!»

«Никого, — сказали они и наконец прекратили свой надоедливый кашель, — кто мог бы сейчас или когда бы то ни было прикоснуться к ним.»

* *

Я промолчал; не сказал ничего. Вообще ничего! Пусть даже для них это было впервые, мои губы столько всего открыли мне... Сколько бы всего мне ни хотелось сказать, в конце я не сумел произнести ни слова.

Однако, я много дней думал об этом.

Много дней и ночей.

По логике вещей, что-то ещё могло произойти, хотя бы сейчас. Или, может быть, уже было слишком поздно, и я просто зря мучил себя?

Так вот, говорю вам здесь, чтобы вы знали: временами губы раздражают меня! Во всём!

Они говорят тебе всё что хотят, а затем блаженно засыпают! А ты потом снова задаёшься вопросом, что они на самом деле хотели сказать, и было ли правдой то, что они сказали!

...Единственное, что я знал несомненно — это то, что те губы, которые я однажды полюбил, были для меня самыми прекрасными из всех, что я когда-либо встречал. Может быть, теперь они даже стали ещё прекраснее... Пусть я в сущности так никогда и не понял источника их красоты! Того, что делало их отличными от всех остальных.

Пусть даже они сами верили, что красивых губ не бывает, что все они постаревшие, что... я и сам не знаю, что!

Но что же я мог поделать? И мог ли вообще?

Где-то — я чувствовал это — должно быть, произошла какая-то ошибка. Но где?

И какая?

Поскольку сами они не видели своей красоты, своей собственной красоты!

И всё же, какими бы они ни были, красивыми или нет, разве они не оставались на самом деле такими же, как все остальные губы? Скажите мне... Я это знаю. Я это хорошо знаю где-то в глубине души...

...Эти губы всегда столь же прекрасны, как и все остальные губы.

...Эти губы — поистине — так прекрасны...

* *

...Я мягко подтолкнул своих маленьких предателей. Была примерно середина ночи. Ночи такой же, как и все остальные...

«Проснитесь», — шепнул я им...

«Я тоже хочу сказать вам тайну.»

Я бы сказал, что они проснулись внезапно! Вскочили мгновенно со своей крохотной кровати и с силой потёрли сонные глаза.

Хотя обычно они спят крепко, в отличие от меня...

«Сядьте», — сказал я им.

Они сели, как могли...

«Какую тайну?» — спросили они сразу же нетерпеливо. (Губы — мало того, что постаревшие — помните всегда, что они ещё и любопытные...

И болтают! И сплетничают! И ябедничают!

...И делают тысячи других вещей, которые нет причины разбирать здесь, иначе мы потеряем суть дела.)

— Могу ли я вам довериться?

— Да, мы никогда не проболтаемся.

— И всё же... Это тайна, которая не должна остаться тайной!

— То есть?

— Это тайна, которая должна быть передана во все уста. Которая должна когда-нибудь дойти и до них.

Они ненадолго замолчали. А когда мои губы молчат, то есть вероятность — конечно, редкая — что им нечего сказать!

«...Вы просто должны сказать им, — сказал я, сухо кашлянув, — что они такие же, как все губы в мире...

Что они действительно прекрасны, как все губы в мире...»

«Ты проигрываешь», — ответили они, иронично улыбаясь. (Улыбкой, которая — не знаю почему — но удачно получается только у губ.

Если вы не слишком много беседовали со своими губами, то не исключено, что вы почувствуете к ним нелюбовь с первого взгляда!)

«Мы тоже говорили им об этом, — продолжили они, — но они ответили, что они безобразны.

Что красивых губ попросту не существует!»

«Вы должны им сказать, что они прекрасны, как все губы в мире», — повторил я.

«Что если они поищут внутри себя, то увидят, что по сути они ничем не отличаются от всех остальных губ...»

«Ты что, не слышишь? — воскликнули они! (...Причём так громко, что я подумал, что временами мои уши правильно делают, слыша лишь то, что хотят.)

«Мы им сказали!» — продолжали кричать они.

«А они ответили, что красивых губ не бывает! Что они просто такие же, если не более безобразные, чем все губы, которые им встречались!»

(...Когда губы не понимают, что вы им говорите, они могут стать ужасно нервными, как вы, должно быть, знаете и по своему опыту...

И злыми! И сварливыми! И ворчливыми! И невыносимыми!

...И ещё с ними могут случиться многие тысячи вещей, которые, как мы уже говорили, не нужно подробно разбирать, иначе мы ни за что не доберёмся до сути дела.)

...

Я умолк.

А когда я молчу, я делаю это так, чтобы время от времени раздражать их! Специально, чтобы они научились себя вести.

«...Тогда вам остаётся сказать им, — добавил я спокойно, не забыв про необходимое покашливание, — что, боюсь, они сами должны попытаться полюбить другие губы.»

И пока они снова не подняли крик — потому что я знаю, что они именно так бы поступили — я продолжил...

«...Они должны увидеть, почувствовать, что за тем, что видно снаружи — что бы им там ни виделось, — прошеп-

тал я, улыбаясь хитро и в то же время печально, столько времени спустя после знакомства с ними, — находится странная маленькая тайна, надёжно скрывается простая, но невидимая истина, которая украшает — всегда внезапно, скажите им об этом — все губы...»

«...Все вместе, пусть они помнят,
...и каждая в отдельности...»

«Эту правду.
И только её одну.»

* *

Это маленькое, крошечное послание надежды, тайно путешествующее повсюду, из уст в уста...

Думаю, о нём уже узнали и ваши уста.

И может быть, оно когда-нибудь достигнет тех, кого я полюбил...

...Самых прекрасных
...уст в мире...

20 декабря

Это были всего лишь два листка...

Которые медленно падали с какого-то дерева высоко на краю тишины.

Которые падали медленно, танцуя с ветром, оказавшимся на их пути в тот час, на том краю тишины.

«Не падайте на землю, — сказал он им свистя. —
Пойдёмте со мной...»

«Куда? Куда мы пойдём?»

«Туда, где собираются сухие листья...»

Их унёс с собой ветер, который дул, полный свежести, собирая сухие листья со всех уголков мира... Ветер, который дул в сторону моря.

Туда, где танцевали двое влюблённых, в то время как солнце светило высоко в небе, в то время как облака кружились вокруг них, кружились рядом с ними, словно скользя на поверхности голубых вод.

И море тогда тоже начало кружиться всё быстрее и бы-

стрее, в то время как облака попадали в него как в ловушку, в то время как листья собирались рядом с ним, в то время как двое влюблённых плыли посреди него, а ветер остужал море белое, белоснежное, проливавшее снег на край Вселенной...

Снег, который упал на спавшую луну и разбудил её.

Она, всё ещё белая, ослепительно-белая, приблизилась к ним...

Приблизилась к двум влюблённым, которые скользили по планете из снега и хрусталя, планете из льда и тумана...

Но мороз никогда не смог бы прикоснуться к ним... Какой мороз мог бы коснуться двух влюблённых посреди бескрайнего моря?

И тогда море остановилось и сказала солнцу:
«Прикоснись ко мне...»

Солнце спустилось вниз и робко остудило в нём свои уста...

Снег растаял, ветер умолк, листья упали в море росы. Они упали в море дождя, туда, где шагали двое влюблённых, которые нежно поддерживали друг друга, ласково беседовали, в то время как снежинки ещё недолго украшали их взор...

В то время как луна, бледная, ещё недолго украшала их мир.

Двое влюблённых теперь шли посреди мерцающей дороги, которая только родилась... Дороги из золота, которая появилась, в то время как солнце рассеивало в тот вечер свой цвет.

Они продвигались вперёд, в то время как солнце скользило вокруг них, в то время как дорога путешествовала вместе с ним к краю моря, а звёзды медленно плыли к краю Вселенной...

Двое влюблённых в тот вечер угасали в море, полном золотых листьев, в море, снова ставшем голубым, которое беспомощно пенилось посреди мира, кружившегося вокруг него.

...Но волна никогда не смогла бы прикоснуться к ним. Какая волна могла бы прикоснуться к двум влюблённым посреди бесконечной Вселенной?

И время сказала им:

«Прикоснись ко мне»

...

Две руки пошевелились как одна.

И время сошло вниз и встало рядом с ними...

24 декабря

«Есть здесь кто-нибудь?» — раздался тихий голос, и череда нот наводнила запертую комнату.

Наверно, не было никого.

«Есть здесь кто-нибудь?» — голос послышался громче, и маленький чердак наполнился звуками в первый раз.

Он знал, что не должен был разговаривать сам с собой, но не мог больше терпеть. Прошло столько времени с тех пор как его подняли на этот чердак. С тех пор как его накрыли этими простынями и заперли ставни.

Он не мог больше терпеть! Почему с ним так поступили? Всё было так замечательно несколько лет назад.

Не так уж много времени прошло с тех пор, как он заполнял их вечера, заполнял их мечты и сердца музыкой. Неужели с тех пор прошло много времени?

С тех пор как они были детьми, собирались вместе вокруг него и неловко нажимали на белые клавиши? С тех

пор как они залезали на него, и их ругали за то, что они могли испортить драгоценную крышку из чёрного дерева, скрывавшую под собою столько струн и молоточков?

Нет, с тех пор не могло пройти много времени.

А позднее, когда они выросли, он помнил их первые уроки. Когда они снова неловко нажимали на клавиши, заставляя его издавать странные звуки.

Дети, игравшие во время уроков, потому что, наверно, он никогда не был для них чем-то бóльшим, чем ещё одной игрушкой. Чем-то вроде большой музыкальной шкатулки...

Нет, с тех пор не должно было пройти много времени!

С тех пор как он заполнял их семейные вечера, заполнял их балы и праздники.

С тех пор как все хотели сесть на маленькую банкетку, обитую расшитой золотом жёлтой тканью, поднять тяжёлую коричнево-чёрную крышку и поделиться с ним своими прекрасными мгновениями.

Да, тогда они, должно быть, любили его.

Он ощущал это по тому, как они дотрагивались до клавиш, по тому, как гладили тяжёлую коричнево-чёрную крышку, прежде чем открыть её; по тому, как им нравилось слушать его пение.

Он ощущал это по тому, как они заботились о нём; всегда настроенный, начищенный до блеска, он стоял посередине гостиной — гостиной, которая когда-то была полна людей.

...

В самом деле, как же всё изменилось; дети выросли, и дом как будто стал меньше. Начались разговоры о том, что места не хватает, и нет причины по-прежнему держать огромный рояль. Настало время изменить планировку гостиной, и этот рояль больше туда не помещался.

Да, при нём всё ещё были красивая блестящая крышка и крохотная банкетка с тканой обивкой, и он издавал те же мелодии, что и раньше. Однако, дети выросли и уже не играли на нём.

Маленькая банкетка казалась неудобной, цвет дерева не подходил к светлому декору, и их вечера теперь заполняла музыка из маленького новенького граммофона. Он стоял на угловом столике с краю гостиной, красивый как распустившийся цветок, а его голос мог подражать любым голосам.

Даже голосу рояля.

Может быть, для него действительно не было места в том доме. Может быть, он уже стал, или же изначально не был чем-то бóльшим, нежели большой музыкальной шкапулкой. Ничем более.

...

«Есть здесь кто-нибудь? Ответьте, пожалуйста.»

Но никто не слушал музыку на запертом чердаке.

Музыку рояля, покрытого двумя большими белыми простынями, заключённого в темноте и молчании, где-то

на краю — или посреди? — пустоты.

* *

В самом деле, сколько времени прошло с тех пор...

С тех пор как маленький и красивый граммофон заменил этот огромный рояль в их мечтах и сердцах.

С тех пор как они начали искать возможность отдать его. Рояль с хвостом, изготовленный из драгоценного дерева... Шедевр знаменитых мастеров, сохранившийся в отличном состоянии.

Напрасный труд!

Люди покупали только граммофоны, маленькие и красивые, как распустившиеся цветы.

Что им было делать с громоздким роялем? С огромным и громоздким роялем?

Но как же такой рояль оказался в доме? Такие, как он, обычно находились в концертных залах и изысканных ресторанах.

Нет, ну что им было делать с таким роялем? К тому же, теперь все продавали свои постаревшие фортепиано. Никому больше не были нужны постаревшие фортепиано...

Поэтому его подняли, по правде говоря, с немалыми усилиями на тот чердак.

Чердак со старыми вещами!

* *

...Он различил на том чердаке старых знакомых, прежде чем его накрыли большими белыми простынями.

Резной деревянный сундук, когда-то украшавший спальню...

Старые светильники из гостиной...

Красивое кресло-качалку, которое выставили вон, когда оно начало невыносимо скрипеть...

Δε γνώριζε που είχαν πάει ως τότε. Δεν το ενδιέφερε κιόλας. Прежде он не знал, куда они подевались. Да его это и не интересовало. К тому же некоторые вещи выставили, когда приобрели его — новенький рояль, украшение любого аристократического дома.

Неужели с тех пор прошло столько времени?

С тех пор как дети выросли?

...

Время от времени они снова приходили. Тогда, ещё вначале...

Вытряхивали пыльные простыни, открывали ставни, чтобы впустить немного света, даже приглашали настройщика, чтобы настроить его.

А затем снова исчезали, так же поспешно, как и появлялись.

И вот тогда, вначале, он различил старых знакомых.

Какие-то картины в рамках. Плетёную корзину с детскими игрушками. Старую швейную машинку. Вещи, которые раньше попадались ему на глаза.

Буфет с большим зеркалом, маленький кухонный стол, колыбель младенца. Всё было накрыто уже пожелтевшими простынями.

Всего лишь силуэты, очертания, навсегда забытые на чердаке со старыми вещами, где-то в пустоте.

Разве с тех пор прошло так много времени? С тех пор как его перестали настраивать, как перестали вытряхивать его белые простыни? Разве с тех пор прошло так много времени?

С тех пор как он наполнял их мечты и сердца?

Они приходили и позже, но он не понимал, зачем...

Может, чтобы оставить что-нибудь, может, чтобы взять. Он уже не видел, что было вокруг него.

Может быть, чердак, заставленный старыми вещами. Может быть, пустой чердак, где только один старый рояль был оставлен в молчании и темноте. Старый рояль, оставленный в пустоте...

«Есть здесь кто-нибудь?» — тихо спросил он, и череда нот наводнила запертую комнату... Нот хриплых, из расстроенного рояля, оставленного на тёмном чердаке.

Да, он состарился! Это уже не был прежний рояль. Его голос не был мелодичным, как когда-то.

А тот граммофон пел так красиво...

...

И всё же, он так и не мог поверить! Разве он ничего не значил для тех рук? Для рук, которые прикоснулись к нему, которые прикасались к нему так много лет? Он был для них всего лишь... всего лишь музыкальной шкатулкой?

Однако же, он помнил, как они прикасались к нему с радостью, с вниманием, с добротой!

И он пел им так красиво, как только мог. Он всегда пел им так красиво, как мог, даже когда они давили на клавиши, обращаясь с ним как с игрушкой, даже на своих первых уроках!

«...Нет, здесь никого нет...»

— ответил сам себе большой рояль, и ему показались такими фальшивыми ноты, издаваемые его струнами на том тёмном чердаке.

«...Все ушли...»

Он ощутил пустое пространство вокруг себя.

Должно быть, не было больше старых светильников и красивого кресла-качалки, шумных детских игрушек и колыбели младенца. Должно быть, не было ничего. Никто не слышал его на том пустынном чердаке посреди — или на краю? — пустоты...

Должно быть, никого не было и в самом доме.

Нижние этажи, должно быть, опустели. Дети уже выросли. Наверно, они давно разъехались. Наверно, они уже создали свои семьи и жили в других домах.

Наверно, единственной вещью, которую они оставили после себя, был этот рояль! Слишком тяжёлый для перевозки. Слишком большой, чтобы его пристроить где-нибудь в другом месте.

Старый рояль, на старом чердаке, в доме, который тоже состарился. В доме, затерянном посреди пустоты...

«Жаль», — сказал он, и череда фальшивых нот послышалась на чердаке. Череда фальшивых нот, издаваемых роялем, покрытым двумя пожелтевшими простынями.

* *

С того времени он решил больше не говорить...

Он принял всё как есть. Состарившиеся фортепиано были никому не нужны... Руки забывают всё, к чему прикасались... Маленькие граммофоны теперь цветут в свет-

лоокрашенных гостиных...

Ему незачем расстраиваться! Он был большим и мудрым роялем.

Просто хотелось бы, чтобы его не закрывали эти простыни, не окутывала эта тьма, не касалось столь сильное одиночество! Если бы его хоть не окутывала эта тьма...

Если бы он хоть ненадолго мог снова увидеть солнце!

...Куда они все ушли?

Разве с тех пор прошло так много времени?

...С тех пор как он наполнял дом музыкой? С тех пор как они сидели на его маленькой банкетке и пели вместе с ним?

Его голос был когда-то таким красивым. Разве это был не тот же самый рояль? Не тот же самый, что всегда наполнял их мечты и сердца? Разве нет?

И всё же он до сих пор помнил их любимую музыку!

Музыку странную, пьянящую!

Когда они слушали её, они тушили — он это помнил — свет. Закрывали глаза и отдавались ей.

Мелодия радостная и в то же время грустная!

Старая и в то же время новая!

Может быть, однообразная, однако совсем не скучная!

Помнил ли он ещё эту мелодию?

Да, он не мог забыть её... Это была его любимая мело-

дия! Но как ему спеть её теперь?

Теперь, когда его голос был заброшен в сырости того чердака, в холоде того молчания.

Как?

...

...А если попробовать?

Он не мог никого потревожить! Он был роялем, забытым в пустоте. А она — мелодией из прошлого.

Но стоило ли пытаться?

Может, лучше помнить её такой, какой она была раньше? Он был всего лишь маленьким, смертным, состарившимся роялем. А она?

Мелодия нестареющая! Она достойна быть исполненной, возможно, новым, настроенным роялем. У него же не было больше прав...

Нет, та мелодия была такой прекрасной!

Пусть её поют другие фортепиано, более новые. Пусть её поют цветущие граммофоны. Красивые мелодии существуют для того, чтобы их пели цветущие граммофоны! Он был всего лишь роялем, забытым на закрытом чердаке. У него не было прав на ту мелодию.

По логике вещей, он не должен был даже помнить её.

Наверно, воспоминания всё портили.

* *

А если попробовать исполнить её?
Для той мелодии это кощунство — быть фальшиво спетой на сыром и тёмном чердаке, но...

...Но он бы никого не потревожил... Он бы спел лишь для себя одного! Мелодию из прошлого.

И они всегда тушили свет, когда он пел её! Закрывали глаза и отдавались ей. Да, он и сейчас сделал бы то же самое... Это была бы бессмертная мелодия, исполненная роялем во мраке.

Пусть и состарившимся роялем...

Он никого не тревожил...

...

Первая нота прозвучала странно на маленьком чердаке. Прозвучала фальшиво в исполнении струн уставших, струн сдавшихся под ударами времени.

Он умолк.

Нет, это уже не был прежний рояль! И правда, с тех пор прошло столько времени!

Но он хотел продолжить. Попробовал ещё раз. Спел первые ноты и умолк, полный стыда.

«Есть здесь кто-нибудь?» — робко спросил он.

Он не хотел бы, чтобы его увидели, услышали! Это была мелодия для более новых роялей. Мелодия нестареющая, бессмертная! Как может её спеть состарившийся рояль? Рояль, забытый в пустоте?

Но там не было никого... Снова никто не ответил...

Он опять тихо запел хриплым, фальшивым голосом. Замолкал и начинал снова и снова. Казалось, что он забыл её. Но он не мог забыть её...

Он был большим и мудрым роялем! Он знал, что не мог забыть её. Эта мелодия была заключена глубоко внутри него.

Просто он не мог подхватить ритм...

Нужно было попытаться.

Он должен был ещё раз попробовать.

Наверно, это было единственное, что он ещё мог сделать! Этот старый рояль, накрытый двумя пыльными простынями, там во мраке, затерянный в пустоте, должен был ещё раз попробовать! Эта мелодия была знакома ему, скрыта глубоко внутри него...

Это была та же самая мелодия...

* *

...Это была та же самая мелодия, что изливалась из его усталых струн...

Мелодия, внезапно наводнившая теплом запертый чердак! Мелодия, заполнившая сломанными нотами чердак, забытый во времени...

Да, это была та же мелодия! Можно было ощутить, что мелодия была та же самая. И тот же самый рояль. Тот же рояль, певший всё громче и громче мелодию, которую не забыл.

Мелодию, которую он заключал внутри себя.

...

Это был тот же самый рояль, певший голосом, неожиданным для рояля, забытого так надолго в темноте и сырости... Неужели с тех пор прошло так много времени?

Он уже не знал! Не хотел знать!

Не хотел ничего помнить, кроме ритма, наводнявшего его струны, наводнявшего его мечты и сердце...

...И он мог слышать, как рядом с ним старое кресло-качалка немелодично скрипело, как шумные детские игрушки вновь вздыхали в плетёной корзине, как колыбель младенца оживала в ритме музыки...

Разве с тех пор прошло так много времени?

Нет, это был всё тот же самый рояль! То же кресло, те же игрушки были различимы в темноте, накрытые пыль-

ными простынями...

Всего лишь очертания, силуэты, забытые на запертом чердаке.

...

И там же, среди них, рядом с ними, накрытый ещё одной простыней, там, в темноте и сырости, граммофон расцветал в ритме той же самой мелодии

Все расцветали в ритме той же самой мелодии...

...Той же мелодии, что всегда изливалась из рояля, певшего в темноте.

...Той же мелодии, что всегда направляла наши сердца и мечты...

26 декабря

«Бедная звезда, что тебе довелось пережить...
Эта мерзкая комета...»

«Не говорите о ней плохо. Это самая хорошая комета,
какую я знала.»

«Почему?»

«Я не успеваю сказать вам, мне нужно улетать.»

* *

«Бедная звезда, какой сильный взрыв...
...Нам сказали, что виновата какая-то комета...»

«Нет, она ни в чём не виновата.»

«То есть?»

«У меня нет времени говорить. Я не могу остановиться...»

Свет от взрыва, свет от уже исчезнувшей звезды спешно продолжил своё путешествие в космосе. И однажды вечером, таким же как все вечера, когда я смотрел на звёзды, он достиг ещё одной голубой планеты..

«Несчастливая звезда... Как только этот свет улетит, ты угаснешь навсегда... Несчастливая комета... Как только этот свет улетит, угаснешь и ты...»

«Мы не несчастны... Мы самые счастливые из всех звёзд.»

«Почему?»

«У нас нет времени говорить... Мы не можем остановиться...»

«Возьмите меня с собой...»

...

Я оставил позади себя ещё одну голубую планету. Увидел, как она исчезает, уменьшается и угасает на краю мечты. Это был первый раз, когда я путешествовал в бесконечность. Я чувствовал себя немножко смущённым...

...Это немалое дело — смотреть, как звёзды, украшавшие края твоей мечты, пролетают рядом с тобой, теряются внутри тебя... Я видел, как они летят прямо на меня, и боялся; я сломаюсь, говорил я себе, я разобьюсь — на тысячи кусочков — в любое мгновение...

Но свет двух моих подруг защищал меня, скрывал меня в себе. Я был так благодарен двум моим звёздам.

«Сколько времени вы путешествуете во Вселенной?» — спросил я их.

«Тебе сколько бы хотелось? Извечно или с тех пор как ты встретил нас?»

«С тех пор как я встретил вас...» Как прекрасно, когда время не имеет значения, подумал я.

«А куда мы направляемся, вы знаете?»

«Тебе куда хотелось бы направиться? Всюду или никуда?»

Не спрашивайте, что на меня нашло, я сам не знаю — говорю вам, я был на краю своей мечты.

«Никуда», — ответил я, в то время как мы пролетали мимо ещё одной красной планеты.

«Я не хочу направляться никуда!»

* *

Я видел вокруг себя планеты разных цветов, солнца голубые, белые и красные. Чёрные кольца и разноцветные дыры-пещеры. Облака без небес и небеса без облаков. Как всё красиво, когда ты никуда не направляешься...

«Бедная звезда, — услышал я, как говорили им другие звёзды, — нам очень жаль...»

«О чём же вы жалеете?»

«Что ты погасла на краю бесконечности... Что твой свет проходит и исчезает...»

«Мой свет никогда не исчезает... Это только вы остаётесь неподвижными...»

«Что ты сказала...»

Но голоса звёзд быстро угасали. Действительно, у этого света не было времени, чтобы сохраниться.

«Благодарю, что вы взяли меня с собой», — сказал я им.

«Это мы благодарны, — ответили они, — мы рады, что ты с нами.»

«Вы давно вместе?»

«С тех пор как узнали тебя, разве мы не говорили об этом?»

* *

Было так прекрасно посреди пустоты. Я видел вещи, которые никогда не видывал раньше. Которые до сих пор не мог вообразить.

Я видел планеты четырёхугольные, многоугольные, цилиндрические. Видел солнца, чей свет менялся, когда они раздражались. Видел луны бархатных цветов...

Все они парили в пустоте, и в то же время всегда ка-

зались укрепленными на чём-то. Они двигались, и в то же время казались вечно неподвижными. Все, кроме этих разноцветных комет. Да, кометы, которые я видел, были такими красивыми...

Цветные длинные хвосты гнались за ярким маленьким шариком, убегавшим на край их мечты. Эти кометы были такими красивыми!

Я вернулся к моим звёздам.

«Расскажите мне о себе», — сказал я им.

«Мы две звезды... Путешествующий свет двух звёзд...»

«Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю.»

«Всё ты знаешь, просто тебе нравится слышать это от других...»

«Может быть, — ответил я. — Почему звёзды Вселенной жалеют вас?»

Я видел, как мир вокруг нас медленно приближается к нам, а затем скользит и исчезает позади нас. Иногда мне нравилось смотреть на мир, который мы оставляли позади себя. В другое время мне нравилось глядеть только перед собой.

«...Это естественно, — ответили они. — Звёзды небесные жалеют нас, потому что не знают, что происходит...»

...

Одна из двух моих подруг заговорила.

«Я была заперта — я помню это — в ловушке в том тёмном углу неба. Заперта навсегда в здесь и сейчас.

Рядом с другими звёздами в том уголке — группой звёзд разных цветов. Мы вместе выросли, вместе наполнились светом от света, освещавшего нашу дорогу. Вместе подарили свет звёздам, оказавшимся на нашем пути.

Всегда вместе, группа звёзд на краю Вселенной.

Это было прекрасно...»

«Прошли годы, но знай, что время не имеет значения для звёзд. Потому что для звёзд не существует здесь или везде, сейчас или вечно.

Потому что звёзды, где бы они ни находились, где бы ни жили, живут везде и вечно. Особенно тебе, сиянию голубой планеты, нужно было бы это знать; звёзды живут вечно, и где бы они ни жили, ничего не меняется.

Так что для нас место не имеет значения. Время не имеет значения...

...Везде и вечно существуют только 'здесь' и 'сейчас'...»

«Но у тебя был свет, говоривший тебе, что происходит за пределами мира!»

«Мой свет не то же самое, что и я. Свет проходит и исчезает... Свет никогда не возвращается... Он путешествовал, а я ждала в пыльном углу неба.»

«Но рядом с тобой были другие звёзды.»

«...Все запертые в здесь и сейчас...»

«И тогда я увидела подлетающую комету...
...Да, признаюсь, что я видела её и раньше...»

* *

Я обернулся к другой своей подруге. Её фигура была смутно различима в ослепительном свете, окутывавшем две мои звезды. Помню, что в то время мы путешествовали где-то на краю пустоты, между двумя галактиками с многоугольными звёздами цвета охры.

«А ты? — спросил я её вежливо. — Что ты можешь сказать мне о себе...»

«Почему звёзды Вселенной жалеют тебя?»

«Меня звёзды не видят, — сказала она, — я исчезаю в сиянии моей подруги.» «Но если бы они видели меня, они бы меня проклинали!»

«Это естественно, звёзды небесные не знают, что происходит...»

Она остановилась ненадолго и снова заговорила, когда мы миновали две галактики со звёздами цвета охры.

«Я никогда не ощущала себя запертой в здесь и сейчас, как ты, наверно, знаешь», — сказала она мне.

«Должна признаться, я была одним из счастливейших существ в мире. Я путешествовала, пусть и одиноко, до

края Вселенной.

Я могла видеть, как звёзды теряются внутри меня. Я дотрагивалась до них, ласкала их своим разноцветным хвостом. А затем улетала. Всегда улетала. У меня никогда не было времени, чтобы остаться.

Я была всего лишь маленьким шариком, бесцельно летящим по краю вашей мечты, помните?»

«Я была такой счастливой кометой. Время не имело значения для меня. Место не имело значения. Я наполнялась светом от света, освещавшего мне дорогу. Дарила свет звёздам, оказавшимся на моём пути.

Это было прекрасно.»

«Я повидала места, которые никогда не видывала ни одна звезда... Я дотрагивалась до многоцветных солнц, хрустальных планет, видела водопады света, обвивавшие — словно кольца — прозрачные планеты. Планеты, внутри которых можно было увидеть бесконечность...»

«Как бы я завидовал тебе, многоцветная комета! Существует ли что-нибудь, чего ты не видела?»

«Я не видела галактик цвета охры, не видела белых и красных дыр-пещер. Никогда не видела голубых планет...»

«...Я путешествовала, но всегда пролетала мимо мест, которые миновала ранее. Я улетала, но всегда возвращалась к звёздам, с которых начала свой путь. Путешествие без начала и конца. Везде и вечно, 'здесь' и 'сейчас', как

я поняла позже. К тем же солнцам, тем же лунам, тем же прозрачным планетам...

Вечно одно и то же путешествие...»

* *

«Почему ты не беседовала с ними?

Они бы рассказали о себе, а ты поведала бы им свои тайны.»

«Я всегда бежала, всегда улетаю. ‘Счастливая комета, — говорили они мне, — расскажи нам, каковы цвета на краю мечты.’

Я не успеваю, — отвечала я, — Мне нужно улетать.

‘Мы будем ждать тебя...’»

...

В то время мы пролетали рядом с какой-то тёмной пещерой.

«Почему она не разноцветная?» — спросил я их.

«Свет, даже пролетая мимо, не касается её...»

«Давай мы осветим её. Давай потеряемся в ней...

Свет, в конце концов, проходит и исчезает.»

Мир изменился внутри неё.

Мы все трое стали чёрным светом, путешествовавшим в белой Вселенной. Среди чёрных солнц и серых планет.

Тогда к нам приблизилась чёрно-белая комета...

«Несчастливая комета, — сказала она нам, — что тебе довелось пережить.

Эта мерзкая звезда...»

«Не говори о ней плохо... Это самая хорошая звезда, какую я знала.»

«Почему?»

«Я не успеваю сказать тебе, мне нужно улетать.»

Я увидел, как она теряется позади нас.

«Как вы познакомились?» — спросил я.

* *

Заговорила моя счастливая звезда...

«Мы обе были заперты в ловушке здесь и сейчас, так что это было нетрудно.

...Но я ждала эту комету тысячи лет. Все звёзды из маленькой группы ждали её. Все они хотели спросить её о чём-то. Но у неё всякий раз не было времени, чтобы ответить. Мы должны были ждать ответа тысячи лет. Одно-единственного ответа.»

Мы сменили так много цветов, пролетая сквозь цветные пещеры.

И только когда мы оказались в той белой пещере, мы

снова вышли в многоцветный мир... Белый свет в тёмной Вселенной, с хрустальными планетами и лунами-зеркалами.

...И я в первый раз видел столько голубых планет, собранных вместе. Белых и голубых, с жёлтыми солнцами на краю их мечты...

...Планет из воды, с лунами из бумаги...

«...И о чём ты спросила её тогда?» — обратился я к своей счастливой звезде.

«Я ничего не спросила. Я хотела спросить у неё так много всего, что не успела бы ничего...

‘Свет не возвращается обратно’, — только и сказала я.

‘Свет постоянно проходит и исчезает...’

‘Возьми меня с собой...’»

Я обернулся к своей счастливой комете.

«...Я хотела сказать ей столько всего, что ничего не ответила», — сказала она мне.

«Я только подумала, что свет никогда не возвращается. Что свет не попадает в ловушку здесь и сейчас...»

«Затем я повернулась к ней.»

«...Это было странное прикосновение...»

...

Помню, что мы путешествовали среди голубых планет. Наш свет был расцвечен всеми пещерами Вселенной. Свет многоцветный, путешествовавший среди голубых планет...

Было прекрасно на краю мечты.

«Бедное сияние, — сказали мне голубые планеты, — какой сильный взрыв унёс тебя прочь... Твой свет теперь проходит и исчезает вместе с тобой.»

«Мы узнали, что в этом были виноваты две мерзкие звезды...»

«Они не мерзкие, — ответил я. — Это самые хорошие звёзды, какие я знал...»

«Почему?»

«У меня нет времени говорить...

Мне нужно улетать...»

«... ...»

30 декабря

Это были всего лишь две маски. Две маски безликие...

Они могли бы быть двумя влюблёнными, двумя цветками, двумя звёздами на краю пустоты. Но им суждено было играть другую роль в маленьком театрике. Так получилось, что я могу сказать?

Две классические театральные маски, в маленьком театрике на краю дороги, уже не помню где.

Они лежали на старом столе, в углу комнаты, где хранились декорации и театральные костюмы. Две обычные маски из кожи. С вырезами там, где вырезы у всех масок; сделанные так, чтобы скрывать только лица — видите ли, лица всегда имели наибольшее значение...

«Давайте, давайте!» — сказал безликий человек и схватил одну из них. «Пора начинать репетицию.»

Пора было начинать репетицию. Ещё один безликий человек поспешно спрятался за другой маской.

Они были готовы.

«3-2-1, начинаем...»

* *

Я до того времени не видывал столь красивых масок.

Столь правдоподобных. Любое настоящее лицо позировало бы им. Кожа гладкая, цвета человеческой кожи, натянутая, молодая.

Столь выразительных; из кожи, вырезанной настоящим мастером. Разрезы для глаз и рта прекрасно передавали надлежащее выражение лица. Одна из них, смеющаяся, скрывала за собой мир, который танцевал. Другая, грустная, скрывала за собой мир, который рушился...

...

Репетиция проходила удачно. Как и должно было быть.

Через несколько дней начинались представления. Уже почти не оставалось времени для ошибок. Всё должно было быть идеально готово к большой премьере...

...К тому мгновению, когда поднимется занавес.

...

...Их глаза были настоящими произведениями искусства! Я смотрел на них и восхищался. Они были изображены так, чтобы при любом их выражении хорошо скрывать глаза позади них. Глаза, не имевшие значения. Кто бы заметил глаза позади них? Кто бы рассмотрел их, когда они спрятаны за узкими прорезами в коже?

Первые две узкие прорезы гармонично сочетались с

широкой улыбкой и приподнятыми бровями. Можно было предположить, что два глаза плясали за двумя смеющимися вырезами...

Две другие прорези — бесподобный образец двух глаз, ливших слёзы под бровями, болезненно нахмуренными. Надо ртом, почти сомкнувшимся от горя...

Да, репетиция проходила удачно! Они однозначно будут иметь успех. К тому же, пьеса была старой — проверенной.

Не было сомнений, что они будут иметь успех.

* *

Маленький театрик уже давно затих.

Они снова вернулись на свои места. На маленький стол в углу комнаты, где хранились костюмы и декорации.

Однозначно, представление будет замечательным. По пьесе на историческую тему. Это можно было понять по одним только декорациям. Они представляли собой фасады классических зданий. Но и платья, и прочие предметы — всё уводило вас в прошедшие времена.

Публика и критики придут в восторг, несомненно. Это будет грандиозное представление для маленького театра на краю дороги.

Однако, сейчас его ещё только репетировали...

«3-2-1, начали...»

* *

Репетиции проводились ежедневно, обычно в утренние часы. Только тогда наши две маски — две классические театральные маски — появлялись на сцене. В остальное время они жили забытыми в комнате, где хранился театральный реквизит. В маленькой комнате рядом с гримёрными...

На старом деревянном столе...

...

«Не расстраивайся», — сказала грустная маска другой.

«Не расстраивайся, время пройдёт быстро, вот увидишь... Репетиции закончатся, премьера состоится, пьеса забудется, и затем нас снова оставят в покое...»

«Всё однажды закончится. Потерпи...»

«Я не могу больше», — печально ответила весёлая маска.

«Одни и те же диалоги каждый день. На каждой репетиции. На каждом представлении. И я обязана их произносить! Не могу больше терпеть весёлых диалогов...»

Ничто никогда не кончится... Как не кончалось столько лет. И почему следующая пьеса должна быть другой? Разве в каждой пьесе нет весёлой маски? В каждой пьесе...

Я не могу больше...»

«Держись, — сказала снова грустная маска, — Я тебя понимаю.»

«Может, ты думаешь, мне нравится то, что меня опять заставили сегодня произнести?

Скучные печальные диалоги... Более-менее одинаковые в каждой пьесе, где я играла до сегодняшнего дня...

Ты ведь знаешь, я бы предпочла, чтобы мне позволили петь и улыбаться. Не могу больше терпеть мрачных диалогов.»

«Но, к сожалению, я не могу представить, чтобы эта кожа изменила свою форму», — добавила она, улыбаясь за печальным вырезом на месте рта.

«...Такой она и останется: вечно хмурой и пыльной.

Годящейся только для слезливых ролей.»

«Просто ужас, говорю тебе...»

«...Ужас», — вновь сказала она, и нашла храбрости рассмеяться.

Это была всего лишь маска с печальными вырезами для рта и глаз. Маска, которая смеялась, рядом с другой маской с весёлым лицом...

«Удивляюсь, откуда у тебя столько радости!» — сказала ей весёлая маска.

«3-2-1, начали...»

* *

...Сегодня все были на нервах.

Забывали слова, совершали ошибочные движения в неподходящие моменты... Не знаю, что было тому виной... Может быть, приближавшаяся премьера. Может быть, просто был нехороший день. Однако же, ничего не получалось правильно!

Сцены повторялись снова и снова, но с каждым разом становились всё хуже.

Наконец репетиция была отложена до вечера, и маски опять вернулись на маленький стол...

...

Некоторое время они обе хранили молчание.

Они разглядывали платья и декорации... Вот кому повезло! Их примерили один раз вначале, а затем оставили в маленькой комнате. Сказали, что снова возьмут их на последние репетиции...

Но тогда маски-то зачем таскали на каждую репетицию? Просто из-за размера?

«Что ты можешь сказать про сегодняшний день?» — спросила наконец маска с грустным лицом.

«Что мне сказать? Знаю только, что не могу дальше выносить нелепых диалогов. Безвкусные шутки, глупые песни, и этот дурацкий монолог влюблённого...

...И нам придётся снова пройти через это сегодня вече-

ром... Как они не понимают? Я — серьёзная маска с весёлым лицом. А они хотят, чтобы я строила из себя шута...»

Маска с грустным лицом улыбнулась под узкой прорезью для рта.

«Не принимай всё так близко к сердцу», — сказала она...

«Сыграй роль весёлой маски. Только на сцене... Разве это много?»

«Но я же сказала тебе, что не могу больше притворяться...

Я устала.

Каждый раз всё одно и то же...»

«Успокойся, я тебя понимаю. Но такова наша профессия, не забывай это...

Мы не умеем делать ничего другого...»

* *

Вечерняя репетиция была намного лучше утренней.

Казалось, что все снова нашли свой ритм. Как будто никогда и не теряли его. Диалоги протекали гладко, не было путаницы и долгих пауз, напряжение грустных сцен плавно перемежалось с соразмерными дозами смешных сцен, равновесие смысла и ухода от реальности — всегда связанное с сюжетом — было передано достаточно хорошо.

Зритель должен был остаться доволен.

Все должны были остаться довольны...

...

«Я больше не могу, — сказала маска со смеющимся лицом. — Если бы мы по крайней мере могли поменяться ролями...»

«Это было бы хорошо, — сказала, смеясь, надтреснутая маска. — Но ты сама подумай... Этого не может быть...»

«Почему?»

«...Потому что тогда какие из нас с тобой актёры?»

— ответила она, раскатисто рассмеявшись и ненадолго заразив своим весельем декорации и костюмы, которые тоже засмеялись вместе с ней...

«Удивляюсь, откуда у тебя столько радости...»

* *

Нет, с сегодняшнего дня больше не было времени для ошибок на репетициях! Через несколько дней занавес поднимется, и представление начнётся в театре — пусть даже и в маленьком театрике — полным людей.

И эти люди должны увидеть именно то, чего ожидали. Никак не меньше того, чего они ожидали...

«Ужас, ужас!» — послышался голос из глубины.

«Изобрази больше чувства... Тебе сейчас больно. Больно!»

«Попробуй ещё раз.»

Невозможность самовыражения? Невозможность быть понятым? В любом случае сцена показалась смешной...

«Ужас, ужас!» — вновь раздался крик.

«Подумай немного, какую маску ты носишь! Это маска, искажённая болью... Прикоснись к ней... Почувствуй её... Маска — это зеркало души!

Твоей души! Твоя душа в этот момент болит... Твоя душа корчится от боли...

Давайте сначала...»

Действительно, дела пошли намного лучше. Роль была сыграна ближе к тому, чего хотел голос в глубине.

И всё же чего-то снова не хватало! Чего-то неопределённого. До сегодняшнего дня они должны были больше вжиться в роль... Странно! Им нужно было ещё потрудиться...

...С завтрашнего дня ситуация должна была измениться. Две репетиции в день, и каждая репетиция как будто последняя перед премьерой. Всё должно было стать идеальным...

На премьере ошибки были недопустимы.

* *

«Что с тобой? — спросила маска с весёлым лицом. — В первый раз с тех пор как мы познакомились, я чувствую, что ты грустишь...»

«Я думаю...» — ответила вторая маска.

«О чём?»

«О том, что нам сказал сегодня голос в глубине... Ты совсем не думаешь об этом?»

«Я думаю только о том, что я устала притворяться. Ни о чём больше.»

«Но разве ты не слышала голос в глубине? Я ни разу до сих пор не ощущала в нём такой теплоты... Он сказал, что маска — это зеркало души. Что к ней нужно прикоснуться... Почувствовать её...»

«Нам нечего чувствовать. Всё просто... Мы — две маски с неподходящими лицами.»

«...И всё же, маска — это зеркало души... — продолжала надтреснутая маска. — А я — маска, искажённая болью...»

«Я отчётливо вижу это...»

* *

С сегодняшнего дня действительно всё изменилось. В маленьком театрике ничто не было так, как прежде. Казалось, что двух масок главных героев было уже недостаточно...

Поэтому сегодня все были одеты в театральные костюмы. Мебель вокруг них тоже относилась к прошлым временам, а декор танцевальных сцен был выполнен в виде фасадов классических зданий.

В самом деле, отныне каждая репетиция была словно последняя перед большой премьерой.

Всё должно было стать идеальным.

...

«Нет, нет и ещё раз нет!» — воскликнул голос из глубины партера.

«Эта песня — радостная, живая, восторженная... Твой голос должен быть радостным. Не просто звучать радостно...

...Подумай о своей одежде; это одежда человека смешного...

...Подумай о своей маске; это маска человека, глубоко чувствующего то, что он выражает... Человека счастливого!

Давайте сначала!»

Произошла ощутимая перемена. Улучшение было несомненным.

Однако, актёрская игра опять явно уступала роли... Он понимал это. Но даже он не знал, чего он собственно хочет...

И даже он не знал, что именно было не так...

«Остановитесь!» — крикнул он.

«Остановитесь и подумайте немного, кто вы... Актёры! Вы уже сыграли так много ролей в своей жизни... Вспомните их! Вы одни и те же актёры в разных ролях... Вы можете сделать это. Нет ничего, что вы не могли бы сделать!

Это ничто для вас. Просто ещё одна роль...

...Ты радостная маска, понимаешь? Позволь моему голосу коснуться тебя... Позволь своему образу направлять тебя... Ты радостная маска...»

«3-2-1, начали!»

...

«Его голос сегодня был раздражённым, не правда ли?» — сказала маска с грустным лицом.

«Я заметила это», — ответила маска со смеющимся лицом и улыбнулась.

«Но всё-таки голос был скорее отчаявшимся. Премьера приближается, но всё складывается не так, как он хочет. Чего-то не хватает, я знаю... Я тоже чувствую, что чего-то не хватает...»

«Приближается большая премьера, и всё ещё чего-то не хватает», — согласилась маска с грустным лицом.

«Однако всё просто; голос в глубине партера прав. Маски — это зеркало души... Это просто ещё одна роль... Мы прежде всего актёры... Мы всего лишь актёры! И, как актёры, мы можем сыграть любую роль.»

В голосе маски с грустным лицом, возможно, присутствовала грустная нотка...

«Удивляюсь, куда девалась вся радость!»

— сказала внезапно маска с весёлым лицом и раскати-сто рассмеялась, ненадолго заразив своим весельем декорации и костюмы, которые тоже засмеялись вместе с ней...

Маска с весёлым лицом, которая рассмеялась впервые в жизни.

«3-2-1», и репетиция началась...

* *

...При других обстоятельствах, эта репетиция в самом деле могла бы быть лучшей.

Цельные диалоги с безупречной синхронизацией. Свобода в движениях. Аккуратность при обновлении декораций. Замечательное отображение напряжённости чувств. Плавное развёртывание характеров и ролей.

Да, я бы сказал, что репетиция была достойна сценария.

Но это была не какая угодно репетиция. Вскоре должен был открыться занавес в театре, заполненном публикой. Это была предпоследняя репетиция!

И поэтому нужно было, чтобы обновление декораций производилось ещё лучше, чтобы диалоги протекали с максимально возможной лёгкостью, чтобы чувства и характеры изображались с величайшим мастерством и естественностью.

«Нет, нет, и ещё раз нет!» — воскликнул голос в глубине партера. — «Нет!»

«Разве вы сами не видите? Не понимаете?»

Места перед вами скоро будут заполнены публикой! Зрителями, ожидающими того, что они хотят увидеть. Того, что они должны увидеть. Ни больше ни меньше!

И вы должны будете дать им это! Вы всего лишь актёры, не забывайте об этом...»

Он обратился к двум классическим театральным маскам из кожи.

«Вы главные герои», — сказал он безликим людям, скрывавшимся за ними. — «Два главных героя пьесы!»

«Все глаза в тот час будут устремлены на вас!»

«Вы главные герои, а они всего лишь ваши зрители.

Они хотят, чтобы вы ошиблись, и тогда они посмеются над вами...

Сыграйте свои роли хорошо, и они будут аплодировать вам! Прославлять вас!»

«Вас будут судить!

Вас будут судить, и правда будет на их стороне.

Они зрители, которые должны увидеть то, ради чего они пришли сюда...

Вы актёры, а они зрители!

Позвольте вашим маскам направлять вас...»

«Давайте сначала...»

...

...Молчание царило в маленькой комнате, где хранились декорации, костюмы и две классические маски из кожи, брошенные на деревянном столе... В маленькой комнате рядом с гримёрными.

Молчание, возможно, оправданное, если вспомнить провал предыдущей репетиции. Провал сокрушительный. Та репетиция была хуже, чем любая другая.

«Не расстраивайся!» — сказала маска с весёлым лицом другой маске...

«...Время снова пройдёт, как проходило до сих пор, вот увидишь. Завтрашняя утренняя репетиция закончится. Вечерняя премьера также состоится. Представления закончатся, и нас снова оставят в покое...

Всё когда-нибудь закончится...

Потерпи!»

«Я не могу больше!» — тихо сказала маска с грустным лицом.

«Я так старалась, но главные герои не чувствуют меня. Я — маска с грустным лицом, разве они не понимают?

Маска с узкими прорезями для глаз и рта. Маска, за которой может скрываться только мир пропадающий... Разве они этого не видят?»

«Держись», — сказала ей маска с весёлым лицом. — «Я тебя понимаю.»

«Думаешь, я тебя не понимаю? Я тоже стараюсь изо всех сил, но они меня не чувствуют... В каждом их слове, в каждом их движении все ещё присутствует грустная нотка.

...Но ведь я — маска с весёлыми вырезами для глаз и

рта, разве они не видят этого? Я такая весёлая маска!»

«...Жаль только, что зрители должны будут судить нас...» — добавила она, словно разговаривая сама с собой.
«Почему же они должны судить нас?»

* *

Тот день наконец настал. Как и любой другой день.
Важный день, великий день для маленького театра.
Пусть это был всего лишь маленький театр на краю дороги, я уже не помню где.

Это была последняя репетиция. Вечером состоится премьера. Занавес поднимется перед театром, заполненным публикой... Последняя репетиция перед премьерой! Перед первым и самым важным спектаклем!

Всё должно было быть безупречно. Идеальная репетиция всегда была лучшей гарантией. Освещение, декорации, диалоги, песни, движения — всё должно было выглядеть естественно.

Зрителям не терпелось высказать своё мнение о каждой мелочи, поаплодировать или промолчать, восхититься или поиздеваться. Всё должно было быть идеально. Они прежде всего были актёрами. Публика должна была остаться довольной. Они были актёрами и, как актёры, нуждались в аплодисментах больше всего на свете. Но они должны были заработать их...

Они были актёрами и должны были выглядеть как

можно более естественно. Они должны были вжиться в роль! Это была всего лишь ещё одна роль. Они должны были позволить своим маскам направлять их. Это было не сложно...

...Актёры и зрители в маленьком театрике.

...

Последняя репетиция была ужасной.
Полный провал!

Наверно, она прошла хуже, чем в любой другой раз. Актёры забывали слова, движения казались наигранными, радость и грусть — фальшивыми чувствами...

Как всё могло получиться так плохо? Ведь они были актёрами! Актёрами старыми, опытными! Отчего же они запутались в очередной неважной роли?

Нет, они были актёрами и, как актёры, знали — я полагаю — что они должны были делать!

Как выразить себя, как двигаться, как изобразить чувства...

...

Голос из последнего ряда партера странным образом обнял их, коснулся их с добротой и строгостью. Это была последняя репетиция!

Он коснулся их ласково и в то же время безжалостно.
Этот голос был таким странным...

«Нет, нет, и ещё раз нет!» — вскричал он упрямо.

«Забудьте обо всём!

Забудьте всё, что я говорил вам до сих пор...

Всё было неправильно! Абсолютно всё было неправильно!»

Труппа обернулась и посмотрела в сторону голоса в глубине партера. Все были немые, их лица ничего не выражали.

Все, кроме двух классических театральных масок из кожи с застывшими выражениями радости и боли.

«Забудьте всё, что я говорил вам до сих пор», — продолжал голос в глубине. — «Выкиньте это из головы.»

«Выкиньте из головы все роли, которые вы сыграли до сегодняшнего дня. Забудьте их! Роли, которые вы играли до сегодняшнего дня, не имеют значения... Вы не актёры... Вы ничто!»

Маски и актёры неподвижно застыли на сцене маленького театра, глядя в сторону голоса в глубине партера.

«Вы не актёры!» — кричал он им. — «Вы ничто!»

«И вокруг вас нет зрителей, нет меня, нет декораций и ламп... Нет ничего, кроме вас одних!»

«...Сегодня вечером, когда занавес поднимется, зрителей и актёров не будет. Не будет ничего, кроме вас одних

в середине сцены...»

...

«...И единственными, кто сегодня вечером будет смотреть спектакль, будете вы.

Вы будете зрителями сегодня вечером! Вы будете зрителями спектакля без актёров!

...И зрители должны увидеть то, что хотят! ...Зрители всегда знают, что они хотят увидеть...

Да,

актёры будут лишними сегодня вечером...»

* *

Время большой премьеры настало. Актёры уже заняли надлежащие места...

Вскоре занавес должен был открыться, но тем не менее можно было ощутить неожиданное спокойствие вокруг... Маленький театрик, конечно, будет полон людей. Людей, готовых увидеть то, чего они ожидали. Людей, готовых смеяться и плакать над тем, чего они ожидали... Ни больше ни меньше!

Но они больше не волновались. Пьеса была старой — проверенной... Маски — настоящими произведениями искусства... Декорации — здания прошлого века, платья и старинные вещи — всё это отлично послужит великому спектаклю! Всё готово, и занавес откроется после бесконечных репетиций...

Бархатная ткань скоро начнёт подниматься...

Нет, они больше не волновались! Публика в маленьком театрике увидит именно то, чего ожидала! Ни больше ни меньше того, чего ожидала... И в конце она, конечно, будет аплодировать изо всех сил! Настоящие аплодисменты, идущие от души!

Аплодисменты неожиданные, возможно, для маленького

театрика... Аплодисменты неожиданные для старой пьесы — хотя и с двумя вневременными масками — с классическими декорациями и костюмами из прошлых времён...

Пьеса без актёров, со зрителями, которые действительно увидят то, что хотели увидеть...

То, что всегда хотели увидеть...

Нет, они больше не волновались! Занавес откроется после бесконечных бесполезных репетиций...

И зрители увидят то, что всегда хотели увидеть...

...Какую-то *правду*.

1&2 января

Наверно, впервые в жизни я чувствую такую сильную необходимость поблагодарить что-то. Поблагодарить всего лишь пять рукописных страниц, щедро одаривших меня тем, чего я никогда не ожидал найти.

Пять рукописных страниц, которые *изменили* — за одну ночь — мою жизнь.

Должно быть, это был самый большой книжный магазин в городе.

Так много книг, собранных в одном месте. Разложенных на деревянных прилавках. Расставленных на бесконечных полках. Полках, достигавших потолка.

Книжные шкафы, выстроенные в ряд, один за другим. И кругом народ. Так много народу. Люди всех возрастов, всех видов были в этом магазине. В самом большом книжном магазине в городе.

Но там, в последнем по счёту книжном шкафу, на самой верхней полке стояла одинокая книга.

Столь одинокая, что ей не было дела до посетителей книжного магазина — этой разношёрстной толпы людей. Столь одинокая, что ей не было дела до бесконечных полок и прилавков неинтересного книжного магазина. Столь безгранично неинтересного.

У этой книги была своя история...

...

...Она проснулась однажды утром рядом со странной типографской машиной. Проснулась связанной вместе с многими другими такими же книгами. Должно быть, она была такой же, как они. Но она не помнила подробностей. Сон тотчас же снова овладел ею.

Эта книга родилась — я помню — уставшей.

Во второй раз она проснулась, оттого что почувствовала, что её крепко держит чья-то рука. Ощущение от пробуждения было прекрасным. Но оно продлилось недолго. Рука разжалась, и книга была поставлена на место. Наверно, это была рука книготорговца.

И на том месте она находится до сих пор. На том же самом месте. В самом последнем книжном шкафу, на самой верхней полке, где-то справа...

...

В течение долгого-долгого времени она ждала, что кто-нибудь увидит её. Что кто-нибудь придёт, чтобы отыскать её. Она надеялась, что эта дама, которая направлялась к её шкафу, шла за ней.

Для того чтобы снять её с полки, посмотреть её, взять с собой, к себе домой, в более маленький, более красивый, более дружелюбный книжный шкаф, полный красивых, разноцветных книг.

Чтобы она тоже обрела свой дом. Она, одинокая книга.

А куда же делись остальные такие же книги? Их поставили на другую полку? Может быть, на прилавки?

Рядом с ней не было ни одной книги, похожей на неё. Маленькую и красивую книжечку, зажатую среди толстых, как энциклопедии, книг, на последней полке, в последнем шкафу, в первом — и что с того? — книжном магазине в городе. Что за трагедия.

Должно быть, произошла какая-то ошибка.

Однако, дни шли, и ни одна рука не касалась её — Кого? Её! Нуждавшейся в прикосновении больше, чем любая другая книга, на любой другой полке, в любом другом книжном магазине мира. Такой одинокой книги.

Дни шли, и ни одна рука не касалась её. Ни одна другая книга не разговаривала с ней. Все они были — ещё одна странная игра судьбы — повёрнуты к ней спиной! Кто? Эти высокие и нескладные книги, толстые как энциклопедии!

Итак, там наверху, на последней полке, в последнем книжном шкафу в мире, стояла книга, которая когда-то возненавидела всех и вся...

Она возненавидела все прилавки с разноцветными книгами. Возненавидела людей, которые их покупали, возненавидела сами книги. Возненавидела кассиров и продавцов. Возненавидела низенького, лысого владельца магазина, полки и чёрные книжные шкафы. Книги вокруг неё, потолок и большие белые лампы...

Она возненавидела саму себя. Возненавидела даже своего автора.

Кто? Она! Книга, которая когда-то хотела всего лишь одного прикосновения. Одного простого прикосновения. Книга, которая когда-то захотела одного-единственного — любви!

Там наверху, на последней полке, в последнем книжном магазине в городе, стояла книга, которая когда-то возненавидела весь мир.

* *

Дни проходили медленно и мучительно. Её обложка теряла свой цвет, а страницы почти совсем пожелтели от времени и ненависти.

Ну и что с того? Так или иначе, никто больше не купил бы её. Никто никогда не заметил бы её. Несчастную книгу. Одинокую книгу на последней полке, в каком-то книжном шкафу, в каком-то книжном магазине. Книгу о...

О ЧЁМ?

Она никогда не узнала об этом! Не имела представления! Однако же, она до сих пор ни разу не подумала об этом. Не подумала о том, что она была за книга!

Она не знала, что она была за книга! Оттого что никогда не научилась ...читать!

Это была книга, которая не знала, как читать!
Что за комедия.

...

С того мгновения она стала задумываться. Чем она могла быть? Может быть, она была чем-то по-настоящему прекрасным?

Как бы не так! Люди покупают красивые вещи. Очевидно, она была какой-то неудачной книгой.

Книгой, не стоившей даже того, чтобы её увидели, открыли, пролистали, взяли домой, в маленький и красивый книжный шкаф с разноцветными книгами в золочёных переплётах.

Вероятно, она была чем-то безгранично неинтересным! Может быть, какой-нибудь диссертацией о причинах выпадения волос.

Как бы не так! Тогда её бы просматривал низенький, лысый владелец магазина!

Или она была каким-нибудь скучным математическим трудом?

Но ведь математики находят такие труды, всегда обнаруживают их!

Чем она могла быть? И почему она ждала столько времени, что её возьмут, если сама не знала, кто она? И кого спросить, чтобы узнать это? Кого? Кого? Кого?

Это была одинокая книга, в последнем книжном шкафу, на самой верхней полке, где-то справа. Книга — возможно, единственная во всём магазине, в самом большом книжном магазине города — которая не знала, как читать.

И буквы, которые отягощали её страницы, буквы красивые, изящные, ничего ей не говорили.

Абсолютно ничего.

Видите ли, буквы говорят только тем, кто знает, как их читать.

Буквы так невероятно горды!

* *

Если бы она знала хотя бы своё заглавие. Ничего больше. Только заглавие! Тогда бы она, по крайней мере, понимала, что она скучная книга о причинах выпадения волос. Или хотя бы книга для коллекционеров-математиков. Хоть что-то!

Ничего. Что за трагедия. Не было никакого выхода. Не было никого, кто мог бы ей помочь. Это была одна книга, одинокая книга, на краю книжного магазина, на краю света, галактики неинтересных книг.

Книга на вершине бессмысленных букв.

Это была опять же несчастная книга.

Она уже не ненавидела какие-либо другие книги, не не-

навидела ни прилавки, ни людей, приходивших и уходивших беспрестанно, ни продавцов, ни потолки, ни большие белые лампы. Она не ненавидела никого и ничего.

Но это по-прежнему была столь пустая книга. Возможно, ещё более пустая, чем раньше.

Это была книга столь одинокая, заключённая в книжном шкафу где-то в городе. В каком-то городе где-то на какой-то планете. Ну и что с того?

Её уже больше ничто не интересовало. Даже то, что она видела мир сквозь корешок маленькой книги. Ну и что с того? Она могла бы быть такой же, как книга рядом с ней. Пусть даже рядом с ней была книга большая и нескладная, как энциклопедия.

Ничто больше не имело значения. Она была книгой без содержания!

Вполне возможно, что в ней были написаны те же слова, что и в остальных книгах. Возможно, не случайно её поставили на эту полку. Возможно, именно сюда её должны были поставить. Вместе с толстыми книгами, похожими на энциклопедии.

СЮДА! На последнюю полку! На самую верхнюю полку, где-то справа, в последнем книжном шкафу, в первом — и что с того? — книжном магазине города.

Возможно, именно здесь было её место!

Ну и что с того? Разве там не было столько других книг?

* *

Было бы так красиво, если бы её страницы были чистыми, не правда ли?

Она знала бы тогда, что она и в самом деле книга без содержания. Единственная книга без содержания на всех полках, во всех книжных шкафах, во всех книжных магазинах мира.

Но не существует книг без содержания! Нигде невозможно найти книгу без содержания! Даже если искать во всех книжных магазинах мира!

Зачем?

Зачем ей нужно было родиться? Зачем? Зачем?

Она хотела бы, чтобы там был кто-нибудь, могущий сказать ей об этом. Хотела бы, чтобы там был её автор.

...

Существовал ли на самом деле тот, кто написал её?

А вдруг она была просто дефектной книгой? Книгой, родившейся по ошибке в той машине, в тот день, в первый день, который она помнила? Вдруг она была просто ошибкой? Книгой без смысла? Что тогда?

Тогда она была бы просто ошибкой! Ну и что с того? Разве не было ошибкой то, что она оказалась здесь, оди-

нокая книга на краю света?

РАЗВЕ ЭТО НЕ БЫЛО ОШИБКОЙ?

А вдруг она была книгой, которую кто-то написал на основании плана? После тщательного обдумывания и на основании плана? Да... наверно... может быть. Это более вероятно.

Но если вдруг она ему не понравилась? Если вдруг она была книгой, содержание которой — удивительно продуманное — ему не понравилось?

Если вдруг она была книгой, содержание которой понравилось её автору, но не самой книге? Тогда что?

Тогда ещё хуже! Ошибки нет! Я обречена навсегда! Книга, правильно сочинённая, чтобы понравиться автору! Почему?

Почему он не спросил меня? Разве не я плачу за всё? **Я.** **Я!** Я, спрятанная навсегда на какой-то полке, где-то в каком-то книжном магазине!

Я И ТОЛЬКО Я!

...

Это была книга, которая кричала.

Которая вопила в одиночестве, в таком невыразимом одиночестве, какого не мог вообразить ни один покупатель, ни один владелец магазина, ни один продавец, ни один писатель в любой части света.

Книга, которая плакала, лила слёзы! Орошала ими свои бумажные страницы.

Оттого что они более ничего не значили...

* *

Оттого что они никогда ничего не значили. Ни они, ни заголовки, напечатанные большими буквами...

Для этой книги ничего не имело значения! Оттого что это была книга без содержания, книга, заключающая в себе всё и ничего.

Это была одинокая книга на краю Вселенной. И она парадоксально заключала в себе Вселенную.

Эта книга не нуждалась в заглавии.
Как ни одна книга не нуждается в заглавии!

Эта книга не нуждалась в авторе.
Как ни одна книга не нуждается в авторе!

Эта книга не хотела ничего! Не хотела продавцов и прилавков, книжных шкафов и полок, не имела цены и не имела ценности.

Если бы эта книга — как и любая другая книга — хотела иметь заглавие, она бы дала его сама! Если бы она хотела иметь содержание, она бы написала его сама!

И она была бы книгой для детей.
Книгой, полной цветов и мелодий...

...

Люди разошлись, и низенький лысый владелец магазина потушил свет и запер тяжёлую железную дверь.

Но там, в темноте и молчании, одна среди стольких книг, маленькая книжечка, затерянная на последней полке последнего книжного шкафа в мире, кричала в одиночестве другим книгам!

И призывала их стереть заглавия с обложек. Стереть тексты на задней стороне. И просто прикоснуться друг к другу.

Безумная книга, будто промокшая во влажности ночи, кричала дрожа другим книгам.

Она кричала дрожа, но никто не слушал её...

...Видимо, они не хотели нарушить порядок!

Однако, им было некого спросить!

Это были всего лишь какие-то книги на краю света, которые не нуждались в авторах и продавцах, в покупателях и владельцах.

Это они нуждались в книгах, но ни разу не спросили их. Они приговорили их к стоянию на каких-то полках, к нагромождению в каких-то книжных шкафах этого мира.

И ни разу не спросили их.

Однако, именно они расплачиваются за это — одинокие

книги на краю Вселенной...

...

Она тоже была одной из книг, которых ни разу не спросили. Кричавшая в одиночестве, вопившая на том краю света.

Смешная книга! Книга без имени и содержания, кричавшая другим книгам и звавшая их к себе, пока слёзы не размочили её пустые страницы...

Она тоже была одной из книг, которые когда-то полюбили другие книги.

И странно, как в столь маленькую книжечку, на столь маленькой полочке какого-то книжного шкафа на краю света, могло в одно мгновение вписаться...

столько счастья!

(В ночь с 16 на 17 декабря)

Белый претранным образом заключает в себе

...все цвета...

